

ев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к веротерпимости. Казань, 2001; Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа: Китап, 2005; и др.

³ Сб. РИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 543–544; Т. 107. СПб., 1900. С. 224.

⁴ Сб. РИО. Т. 107. С. 604–605; Т. 115. СПб., 1903. С. 201–203.

⁵ Сб. РИО. Т. 115. С. 390.

⁶ Там же. С. 421.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 185. Л. 359–370.

⁸ Сб. РИО. Т. 115. С. 421.

⁹ Сб. РИО. Т. 115. С. 379–381, 411–415, 424–426, 427–428.

¹⁰ Там же. С. 353–356.

¹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 98. Ч. 2. Л. 153–154 об.; Сб. РИО. Т. 115. С. 388–392.

¹² Сб. РИО. Т. 115. С. 353–354, 422, 439–440.

¹³ Сб. РИО. Т. 8. СПб., 1871. С. 141–142.

¹⁴ Там же. С. 82–83, 169–170, 141–143, 182–185, 223–224.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 32. С. 544; Т. 115. С. 227, 311, 320, 336, 392, 395, 402; Т. 134. СПб., 1911. С. 182.

*Л.М. Артамонова**

Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России)

Интерес к прошлому и культуре страны и родного края прививается трудами людей разных поколений. Во второй половине XIX в. этот интерес пробуждали у современников труды П.В. Алабина, о заслугах которого как общественного деятеля и исследователя век спустя уже своим соотечественникам напомнил П.С. Кабытов¹. Под редакцией П.С. Кабытова были переизданы или впервые опубликованы важные страницы алабинского наследия, других записок и сочинений о Самарском крае, архивных документов, позволившие по-новому рассмотреть многие малоизученные вопросы истории отечественной и региональной культуры². К их числу относится и история женского образования в Самаре и других местах юго-востока Европейской России до эпохи Великих реформ. Она рассматривается в данной статье с учетом как упо-

* © Артамонова Л.М., 2011

мянутой источниковой базы, опубликованной литературы, так и новых материалов, обнаруженных в Санкт-Петербурге и Казани в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ).

Вплоть до самого конца XVIII в. мы не имеем достоверных сведений о правильном и регулярном обучении в Самаре и других местах юго-востока Европейской России девочек, если не брать упоминаний о традиционных домашних формах образования. В этом отношении отдаленная провинция Империи отставала от общероссийских тенденций, проявившихся в царствование Екатерины II. Безусловным достижением в деле народного просвещения, достигнутым при ее правлении, следует признать создание условий для получения девочками общего образования, адекватного новому времени.

Были намечены два пути достижения этой цели. Во-первых, открывались специальные женские учебные заведения, самым известным из которых стал Смольный институт в Петербурге, основанный в 1764 г. Во-вторых, школьная реформа, осуществленная в 1780-х гг., предусматривала создание государственной системы общеобразовательных школ («народных училищ») на принципе совместного обучения детей обоего пола. Официальное и обязательное для преподавателей Руководство 1783 г. предостерегало от телесных наказаний, оскорблений и дискриминации учащихся, независимо от социального положения родителей и пола детей: «В рассуждении пола... учитель обязан как учеников, так и учениц наставлять с равным усердием; то же чему в нижних школах учат, и без того равно обоему полу нужно»³.

Негативно-пренебрежительное отношение к школьной реформе Екатерины II, еще понятное в свете прежней идейной критики всего, что связано с самодержавием, вызывает недоумение в современной историографической ситуации. Продолжают встречаться, к сожалению, одно-сторонние утверждения, что «замысел императрицы о проведении широкой образовательной реформы» потерпел полную неудачу, что эта реформа «не инициировала развитие женского образования», что открытие всесословных бесплатных общеобразовательных школ с совместным обучением обоих полов лишь «предполагалось», то есть не было осуществлено⁴. Свое несогласие с подобными утверждениями и аргументацию, позволяющую оценить екатерининскую образовательную реформу как последовательно просветительскую и намного опередившую свое время, автор настоящей статьи уже не раз высказывала⁵. Действительно, если раздельное обучение разных полов в общеобразовательной школе не предусматривалось, то, разумеется, и женское образование не выделялось как отдельная сфера народного просвещения. Однако это обстоятельство характеризует реформу Екатерины II не отрицательно, а как в высшей степени прогрессивную.

Развитие народного образования на принципах совместного обучения детей обоего пола представляется с современной точки зрения наиболее перспективным путем, но, к сожалению, в конкретной социально-политической ситуации в России конца XVIII – первой половины XIX вв. этот путь не получил возможности для реализации. Так, в народных училищах Симбирской губернии, включавшей тогда в свой состав значительную часть Самарского Заволжья, в течение 1789–1799 гг. обучалось до тысячи учащихся, среди которых упоминаются всего 8 девочек в школах трех городов. В малых народных училищах Карсуна (4 чел.) и Тагая (1 чел.) это были дочери офицеров, чиновников и канцеляристов, в главном народном училище Симбирска (3 чел.) – дочери служанок и дворовых. Ни одной девочки не отмечено в малых народных училищах Алатыря, Самары, Сызрани, Ставрополя⁶.

По школьному Уставу 1804 г., принятому в царствование Александра I, в городах на смену главным народным училищам екатерининского времени пришли гимназии, а малые народные училища были заменены уездными и приходскими училищами. Прямого запрета обучения лиц женского пола в гимназиях и уездных училищах Устав не содержал, поэтому первоначально среди их учащихся встречались в небольшом количестве девочки. По данным 1804–1808 гг., в гимназиях Новгорода, Пскова, Новгород-Северского, Могилева, Витебска их числилось от 3 до 20 чел.⁷ На практике же гимназии вскоре стали сугубо мужскими учебными заведениями.

В уездные училища девочек было запрещено принимать после издания при Николае I нового школьного Устава 1828 г., в котором прямо указывалось, что в этих школах «обучаются только дети мужского пола». Правда, местное начальство обязывалось «содействовать всеми зависящими от него средствами» учреждению «для девиц» отдельных учебных заведений, «равных по степени преподавания» уездным училищам⁸, однако специальных женских училищ, подобных уездным для мальчиков, создано тогда не было.

Уставы 1804 и 1828 гг. безусловно говорили о возможности совместного обучения детей обоих полов только в приходских училищах. В них могли бесплатно учиться дети не моложе 8 лет всех сословий, верхняя возрастная планка для мальчиков не устанавливалась, а девочек принимали «не старше 11 лет»⁹.

Все же дворяне, чиновники, горожане, в т.ч. в провинции, и в XVIII веке, и в первой половине XIX века предпочитали давать своим дочерям домашнее образование или отдавать их в частные пансионы. По воспоминаниям современников, попытки заведения таких пансионов, в т.ч. для девочек, в уездной Самаре были не совсем удачными и не привели к созданию постоянно действующих женских учебных заведений¹⁰. Один из более или менее успешно работавших в этом городе пансионов был организован принявшим русское подданство и сдавшим экзамен в Мос-

ковской губернской гимназии на право преподавания французского языка Ж.-Б. де Маке. Кроме французского языка и рисования, воспитанники изучали общеобразовательные предметы (Закон Божий, грамматика, арифметика, география, история), которые им преподавали учителя уездного училища¹¹. В пансион принимали как мальчиков, так и девочек. По школьному Уставу 1828 г. совместное обучение дозволялось лишь в тех пансионах, которые устраивались «только для преподавания учения», где воспитанники не жили и не содержались постоянно, а расходились после занятий по домам. В такие пансионы запрещалось принимать девочек старше 11 лет¹².

Младшая сестра Н.И. Второва, который сам посещал пансион де Маке, обучалась дома. Девочку учили старшая сестра Анна, а во время отъездов той и своих каникул – 11-летний брат Николай, который относился к такой обязанности со всей серьезностью и вел дневник, который позволяет заглянуть в процесс обучения провинциальной барышни из незнатной и небогатой, но просвещенной семьи: «Среда 16 июля [1830 г.]... Сегодня я учил Юлиньку, ибо мне Аннушка препоручила: поутру по-французски, а после обеда по-русски. Вот как она училась: довольно хорошо, и вела себя также..., два урока выучила, – один из вокаблов [слов с переводом для заучивания наизусть. – Л.А.], а другой из катехизиса [основ христианского вероучения. – Л.А.], писала и повторяла все старое». На другой день сестрица также «училась порядочно: урок из вокаблов знала не худо, арифметику хорошо, писала так же; урок из катехизиса знала хорошо». По сравнению с будними днями субботние занятия 19 июля сокращены: «Сегодня я учил Юлиньку, но мало. Поутру она ходила в баню, а выучила урок из вокаблов. После обеда она вязала чулок, а я читал и рисовал». В воскресенье в занятиях был перерыв, а в понедельник вновь брат «учил целый день Юлиньку». Так продолжалось до возвращения домой старшей сестры, которая вновь приняла обязанности домашней учительницы на себя¹³.

Несколько иначе решались подобные проблемы в состоятельных семьях. Богатый помещик Казанской, Пензенской, Саратовской губерний С.Ф. Желтухин, оказался опекуном своей родственницы, сироты Маши Желтухиной, и озаботился тем, «дабы не оставалась она без воспитания». Через хозяйку дома в Пензе, куда он определил на проживание девочку, он договорился о более полном и дорогом наборе «образовательных услуг» домашних учителей: «Один живущий француз в Пензе г-н Витоне обязался учить по-французски и другие науки и получать за сие плату в месяц 25 руб. ассигнациями. Русской учитель... порядился за учение получать в месяц 10 руб. ассигнациями. Фортопьянист за свое обучение в месяц 12 руб. А танцмейстер... обязуется дать 50 уроков танцевания, получа за каждый урок по 2 руб. ассигнациями же. Выходит всего сие за все учение всем поясненным учителям составит 664 руб. ассигнациями. Но когда танцмейстер кончит уже преподавать учение, то тогда

придется платить 564 руб. в год». Довольно крупная сумма не смущала опекуна, поскольку соответствовала положению и статусу семьи, а соответственно, и затратам на обучение девочек этого круга. Однако помещик не исключал возможных проблем с самими «учительскими кадрами», а потому приказал своему управляющему поехать в Пензу, самому встретиться с учителями и договориться с ними, «как им платить деньги, в какие сроки». С.Ф. Желтухин настаивал на оплате занятий после их проведения, а не вперед: «Ибо я знаю таковых молодцов, деньги они вперед взять любят, а обязанности своей не исполняют, а тогда с ними имей процесс». На случай, не дай Бог, будущей тяжбы с учителями, которым, судя по всему, С.Ф. Желтухин не очень-то доверял (от фонвизинского «Недоросля» прошло не так уж много времени), он требовал «платить им деньги, брав по отдаче денег с каждого аккуратную расписку в получении от вас за даваемые уроки такой-то Желтухиной за такие-то месяцы столько-то заплачено». На оплату обучения воспитанницы, которую было приказано начать с 1 апреля 1832 г., предназначались доходы опекуна, получаемые с его саратовского имения Немчиновки¹⁴.

Однако ни домашнее или семейное обучение, ни частная школа не могли обеспечить массовую и эффективную учебу девочек. Попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин в 1829 г. высказывал тревогу по поводу уровня просвещения женщин, особенно в провинции: «В России много сделано для образования молодых людей, для девиц, исключая столиц, почти ничего». Такое положение он считал, высказывая мнение прогрессивной части русского общества, неприемлемым: «Нельзя достигнуть высшей степени просвещения, если целая половина человеческого рода, которая необходимо должна быть первой наставницей детства нашего, останется в глубоком невежестве»¹⁵.

Казанский попечитель вообще полагал, что частные пансионы не только недоступны для небогатых дворян и подавляющего большинства горожан, так как слишком дороги, но и могут быть вредны из-за своей бесконтрольности. Однако его предложения противопоставить им систему общеобразовательных школ для девочек из дворянских и разночинских семей¹⁶ пока не были поддержаны ни верховной властью, ни обществом. В 1840-х гг. на весь Казанский учебный округ, охватывающий Поволжье, Урал, Сибирь, приходилось 2 института благородных девиц и 7 частных женских пансионов.

Запрет на совместное обучение мальчиков и девочек в общеобразовательных учебных заведениях, напомним, не распространялся на приходские училища, но там девочки из привилегированных сословий не учились, а их сверстницы из низших сословий составляли подавляющее меньшинство. В 1855 г. в Самарской губернии среди 1012 учеников городских начальных школ (уездного и приходских училищ) на 991 мальчика приходилась 21 девочка¹⁷, что составляло 2 % от общего числа учащихся.

Благоприятные условия для обучения девочек постарались создать в Бузулукском приходском училище, где была предусмотрена специальная должность «надзирательницы за обучающимися девицами»¹⁸. Ее жалованье в 1855 г. выплачивалось за счет личных пожертвований помещика Н.Я. Стобеуса, являвшегося с 1837 г. почетным смотрителем Бузулукского уездного училища¹⁹.

Наличие девочек среди учащихся 2-го Самарского приходского училища побудило заведующего дирекцией Самарских народных училищ искать пожертвований на оплату работы и в этом училище «надзирательницы за обучающимися девицами». На просьбу в 1851 г. откликнулся Б.П. Обухов, богатый самарский и оренбургский помещик, почетный смотритель Самарского уездного училища, выпускник знаменитого Царскосельского лицея²⁰. Занять эту должность изъявила желание Елизавета Потанина, жена учителя уездного училища.

Впрочем, наличие в одной городской школе детей обоего пола не всегда делало их обучение действительно совместным. Известно, что при достаточно большом количестве учениц в приходских училищах организовывались женские отделения, которые занимались в одном помещении с мальчиками, но в разное время. Например, мальчики учились до обеда, девочки — после²¹.

Совместное обучение детей обоего пола было более распространенным явлением в сельских школах, массовое возникновение которых приходится на царствование Николая I. В селениях государственных крестьян, переданных под управление Министерства государственных имуществ, которое возглавил выдающийся государственный деятель П.Д. Киселев, в ходе проводившейся с 1837 г. по его инициативе и под его руководством реформы управления казенной деревней важное место отводилось просвещению крестьянских детей, независимо от их пола. Так, циркуляр этого министерства от 8 февраля 1857 г. устанавливал норму поощрения добросовестных сельских учителей вознаграждением в размере до 2 руб. «на каждого действительно обучающегося мальчика или девочку»²². Кроме обычных школьных предметов, одинаковых для обоего пола (молитвы, чтение, письмо, счет), девочкам преподавалось обучать «свойственным в крестьянскому быту рукоделиям», а к их обучению привлекать жен священников, дьяконов и причетников²³.

В сельских училищах Самарской губернии ведения Министерства государственных имуществ в 1855 г. было всего 16585 учащихся (100%), в т.ч. 8970 чел. мужского пола (54%) и 7615 чел. — женского (46%)²⁴. Следовательно, в этих учебных заведениях обучалось не просто значительное число девочек, но их доля приближалась к естественному демографическому соотношению полов.

Однако в качестве основного направления развития женского образования утверждалось именно устройство отдельных школ для девочек, к тому же с учетом сословного происхождения последних. В 1852 г.

вышеупомянутый Б.П. Обухов открыл отдельную школу для девочек в Самаре на собственные средства. Однако она просуществовала только два года, не получив общественного признания из-за недостаточного образования, которое в ней можно было получить. В первый год в ней училось 25, во второй — 35 девочек²⁵.

Первые женские школы для крестьянских дочерей были созданы в первой половине XIX в. даже раньше, чем для горожанок. В этом факте проявились старания отдельных богатых просвещенных помещиков, а также императорской фамилии, которой принадлежали обширные земельные владения и селения на юго-востоке Европейской России, состоявшие в ведении Департамента уделов Министерства императорского двора. В каждом удельном имении при их управлениях-«приказах» с 1830-х гг. начали постепенно устраиваться сельские училища, в которых первоначально обучались только мальчики.

В 1850 г. в Самарском удельном имении появились первые школы для девочек. В них в 1851 г. обучалось 470 чел., что составляло 44% от всех 1066 учениц женских школ, существовавших тогда в имениях удельного ведомства по России. Из-за большего прилежания к учебе и облегченной программы, сокращенной за счет чистописания и арифметики, девочки быстрее оканчивали курс обучения: «Понятливость и способность девочек далеко превосходят мальчиков; они в год и много в полтора оканчивают учение, тогда как мальчики учатся три и четыре года». В 1851 г. из учениц школ Самарского имения «третья часть с успехом окончили учение». В этих школах «обязанность учителей приняли на себя грамотные крестьянки, а изъяснение Закона Божьего и надзор за наставницами — местные священники без всякой платы». Учебные пособия должны были приобретать родители, но это не уменьшало числа желающих «поместить свою дочь в школу». Дело «дошло до того, что, по тесноте помещения школ, начальство принуждено было отказывать» некоторым в приеме²⁶.

В 1857 г. руководитель Департамента уделов М.Н. Муравьев (прозванный в радикальных и либеральных кругах за свои охранительные взгляды и решительные действия по подавлению антиправительственных выступлений «Муравьевым-Вешателем») предписал не допускать потери в родительских хозяйствах работниц из-за учения девочек в школах, не проводить с ними занятия в период полевых работ с мая по октябрь, ограничить возраст учениц 8–12 годами, не отдавать в учение одному священнику более 10 учениц, обучать их только молитвам и грамоте для знакомства с церковными книгами. При всех недостатках упрощенного подхода к женской школе эти предложения позволили сделать шаг вперед в элементарном образовании сельских жительниц, способствуя если не качеству образования, то количественному притоку учениц²⁷.

Заинтересованность же учителей была стимулирована отказом от практики безвозмездной учебы девочек. Однако платили учителю за «конечный результат» — отдельно за каждую девочку и только за ту, которая научилась читать²⁸. Известны случаи и совместного обучения мальчиков и девочек в школах удельного ведомства, но они были редкими и не стали правилом²⁹.

В Усолье и соседних селениях Самарской Луки об обучении грамоте девочек особенно хлопотала жена тамошнего помещика Ольга Ивановна Орлова-Давыдова (урожденная княжна Барятинская). По ведомости 1842 г., в селах и деревнях Усольской вотчины Орловых-Давыдовых для мальчиков было устроено 10 школ и в них насчитывалось 397 учащихся, а 118 девочек, или почти четверть от всех 515 детей, получавших в вотчине начальное образование, обучались в семи отдельных школах³⁰.

№ п/п	Селения и школы	число учениц
1.	Усолье (в доме Безщастнова)	15
2.	Усолье (в доме Ягодкина)	20
3.	Усолье (в доме Панкина)	12
4.	Усолье (в доме Данилова)	15
5.	Березовка	19
6.	Актуши	18
7.	Тайдаково	19
8.	ИТОГО	118

Придание в 1851 г. Самаре статуса губернского центра ускорило развитие народного просвещения в Заволжье. Успехи по развитию здесь за 1850-е гг. учебных заведений в городах и сельских школ были достигнуты во многом при поддержке К.К. Грота, являвшегося начальником новой губернии с мая 1853 по апрель 1860 гг. Впрочем, его деятельность на nive женского образования заслуживает более подробного освещения в специальной работе³¹. Назовем лишь основные достижения.

Первым из них стало появление в 1858–1859 гг. в Самаре двух приходских училищ для начального обучения девочек и подобных школ в уездных городах губернии. Как это мы уже видели на примере сельских школ, сравнивая между собой «по успехам мужские и женские приходские училища» в городах, современники находили, что дела в женских шли лучше: «Девочки большею частию поступают в начале академического года, аккуратнее посещают уроки и добросовестнее относятся к своим классным обязанностям»³².

Другим успехом взаимодействия губернских властей с самарской общественностью явилось открытие 7 августа 1859 г. первой средней школы для девочек — женского училища 1-го разряда (будущей женской гимназии). Этому событию предшествовало принятие 30 мая 1858 г.

«Положения о женских училищах ведомства Министерства Народного просвещения», по которому предусматривалось создание учебных заведений, удовлетворявших запросам тех родителей, что стремились дать дочерям качественное образование. От прежних институтов и пансионов эти школы отличались вссословным составом учениц и тем, что последние приходили сюда только на классные занятия.

Полный курс обучения в женском училище 1-го разряда был рассчитан на 6 лет. К обязательным предметам принадлежали закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткие сведения из естественной истории, чистописание и рукоделие. Плата за обучение этим предметам в Самарском женском училище составляла 25 руб. в год. От нее могли освободить бедных девушек из тех сословий, представители которых вносили постоянные взносы на содержание училища, т. е. из дворян и горожан, более того, такие ученицы снабжались бесплатно учебными пособиями. К необязательным предметам относились французский и немецкий язык, рисование, музыка, пение, танцы. Необязательные предметы преподавались за особую плату, которая устанавливалась по соглашению родителей учениц с начальницею училища³³.

В концепции реформы женского образования четко проявились взгляды уже упомянутого М.Н. Мусина-Пушкина, который в 1850-е гг. был попечителем столичного Петербургского учебного округа и активно участвовал в разработке «Положения о женских училищах». В отличие от частных пансионов, в которых, прежде всего, преследуются коммерческие цели их устроителей, полагал он, посещение общественных школ более способствует умственному и нравственному развитию девочек, снижает затраты родителей на обучение детей, а последних не отрывает от семьи и не лишает семейного воспитания³⁴.

Конкурентные преимущества новых женских училищ сказались очень быстро. В литературе уже отмечено, что с их появлением частные пансионы для девочек или закрывались, или старались преобразоваться в такие училища³⁵. Конкретные факты по отдельным городам, в т.ч. Самаре, подтверждают, что общеобразовательная женская школа выигрывала у частной.

В числе первых учениц в Самарское женское училище поступили пансионеры г-жи Фланден, ставшей первой начальницею этого училища. Покинув училище из-за недовольства общества ее деятельностью, она не смогла возобновить пансион в Самаре, переведя его в другой город. Попытки занять освободившуюся нишу частного женского образования в Самаре не дали результата. Пансион Ю. Загоровской и частное училище 2-го разряда для девочек на средства купчихи А.В. Буревой, открытые в 1860 г., оказались недолговечными³⁶.

В 1860–1861 учебном году в Самарском женском училище 1-го разряда обучались 45 учениц, в т.ч. 27 дочерей дворян и чиновников, 15 — купцов и мещан, 3 — лиц духовного звания³⁷. Эти цифры, скромные для совре-

менной школы, были в то время недостижимы для частных пансионатов в провинции.

С начала 1860-х гг. народное просвещение России в целом и женское образование в частности вместе со всей страной вступили в новую эпоху. Наследие дореформенной школы, опыт предшествующих поколений тружеников на ниве просвещения не пропали втуне. Этот организационный, методический и кадровый потенциал, особенно заметно выросший, как показано выше, в 50-е гг. XIX в., явился надежной базой для дальнейшего успешного развития школ и привлечения в них учащихся, в т.ч. все большего числа девочек.

Примечания

¹ Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990; Его же. П.В. Алабин – историк Самарского края // Славянский альманах: 2004. М., 2005.

² Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. / сост. П.С. Кабытов. Самара, 1992; Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. документов и материалов / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2000.

³ Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи. СПб., 1783. С.88,106.

⁴ Шилина Т.А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 18–19.

⁵ См.: Артамонова Л.М. Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7 (73); Ее же. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2.

⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1187–1208.

⁷ Материалы для истории и статистики наших гимназий. СПб., 1864. С.20; Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 47.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 3. № 2501. С. 1104.

⁹ Там же. С. 1100.

¹⁰ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 60.

¹¹ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 307–308.

¹² ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 3. № 2501. С. 1125.

¹³ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 80. 53об.–54.

¹⁴ Там же. Ф. 608. Оп. 2. Д.71. Л. 69–70, 99.

¹⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2918. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2 и об.

¹⁷ Там же. Д. 7004. Л. 413.

¹⁸ Там же. Л. 417об.

¹⁹ Там же. Л. 428об.–429.

²⁰ Там же. Л. 420об.–421.

²¹ Дашкевич Л.А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006. С.205.

²² Правила о начальных училищах ведомства государственных имуществ. СПб., 1866. С. 20, 22.

²³ Там же. С. 19–20.

²⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 413об.

²⁵ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 88.

²⁶ ЖМНП. 1852. № 10. Отд. VII. С. 30–31.

²⁷ Григорьева Г.И. Просвещение удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX века // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 146–147.

²⁸ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. С. 318.

²⁹ Там же. С. 317; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Симбирская губерния. СПб., 1853. Т. 5. Ч. 2. С. 138.

³⁰ Артамонова Л.М. Школы и больницы в крепостных селах и деревнях Самарской Луки конца XVIII – середины XIX веков // Сельская Россия: прошлое и настоящее. М., 2008. С. 242.

³¹ Автором данной статьи подготовлена публикация «К.К. Грот и женское образование в Самарском крае» в сб. трудов межрегиональной научно-практической конференции «Вторые Гротовские чтения», прошедшей в Самаре 17 ноября 2010 г., материалы которой готовятся к печати.

³² Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. С. 320.

³³ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 90.

³⁴ Рыболова Е.А. Объективная необходимость открытия женских гимназий в 60–70-е гг. XIX в. // Классическое гуманитарное образование: история и перспектива. Ульяновск, 2010. С. 387.

³⁵ Там же. С. 381.

³⁶ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 90–92, 100.

³⁷ Там же. С. 91.